

Алла ВЛАДИМИРСКАЯ

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ДУШИ В МЕЛОДИЮ

ПЕРВАЯ РУССКАЯ МОНОГРАФИЯ
О КЛАССИКЕ НЕОВЕНСКОЙ ОПЕРЕТТЫ – ФРАНЦЕ ЛЕГАРЕ

А. Г. Колесников

Вышла новая большая книга: Александр Колесников, «Оперетты Франца Легара и он сам» (М.: Театралис. 2014. 420 с., илл). Первое и единственное пока в русском музыковедении капитальное исследование о крупнейшем мастере оперетты. Зарубежная легариада достаточно щедра, истоки ее относятся к 1896 году. В России же ситуация иная. Автор – Александр Колесников, известный критик, эрудит в вопросах театрального и музыкального искусства, издавший несколько книг, лауреат творческих премий и проч. Фигура Франца Легара (1870–1948) занимает особое место в его музыкальных пристрастиях.

Основа монографии – восемь глав, обрамленных «Введением», «Заключением. Музыка без границ» и именованным указателем, и он тоже

читается с интересом, каждое имя аннотировано, мы как бы обретаем новые знакомства. Да еще книга отлично иллюстрирована: известные и малоизвестные портреты Легара, изображения венгерских, венских, немецких и русских актеров в легаровском репертуаре. Не рискну написать театральную фразу: книга рассчитана на широкий круг читателей. Далеко не так. Книга невеликим тиражом 1000 экз. обращается к профессионалам-музыкантам и к избранному кругу читателей, для которых имя Франца Легара не пустой звук.

Начинается она с размышлений автора о политической ситуации в Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв. Тут дано состояние мира, бурная эпоха, в которую композитор «проживает калейдоскоп исторических и мировоззренческих сдвигов и к концу жизни словно перестает реагировать на эту глобальную движущуюся панораму».

Детальное рассмотрение природы таланта Легара и постижение новой эстетики жанра Колесников ведет от игривых ранних вещей: «Шуточной свадьбы», «Божественного супруга», «Троеженца» и им подобных. Переходит к «грустным опереттам», новым и странным, получившим монопольное название «легариад». Пронзительный психологизм и мрачноватая страстность определяли в целом их эстетику. «Венская кровь» (название штраусовской оперетты) пульсировала в них учащенно («Паганини») и надрывно («Джудитта»); герои были экзальтированы («Фридерика») и «неадекватны» («Цыганская любовь»). Наконец, фатально разлучены непреодолимыми политическими, психологическими и расовыми препятствиями («Страна улыбок», «Джудитта»).

Особая тема – отношения Легара с Россией. Они начинаются с «Веселой вдовы». Приводятся впечатления театрального критика А. Кугеля, побывавшего в Берлине

на премьеры: «Оперетта Легара идет каждый день уже целых два месяца. Она точно очень недурная и остроумная вещица». После венской премьеры «Веселой вдовы» не прошло и года, как она была показана в двух петербургских театрах со старым русским текстом Л. Пальмского и М. Ярона. Вскоре «Веселую вдову» узнали во многих городах России. Везде она на много лет становится царицей репертуара. Автор отмечает также удачное либретто известных драматургов В. Масса и М. Червинского 1955 года: «Высокий класс текста, культура слова, остроумие и элегантность стиля». (В противовес тому, что происходит сейчас, когда к каждой постановке пишется новая пьеса, одна хуже другой, под негласным девизом: «Главное, чтоб было смешно»).

Интерес к Легару в России рос, композитор это знал. В «Графе Люксембурге» у него действуют русские персонажи. А с опереттой «Ева» связан первый и последний приезд Легара в Россию. Он дирижировал спектаклями в Петербурге и вызвал ажиотаж. Нынешней петербургской публике «Ева» незнакома, как и многие другие произведения Легара. У «Евы» особая судьба. В мае 1941 года в Ленинградском театре музыкальной комедии режиссер А. Феона приступил к репетициям «Евы» с текстом М. Волобрынского и Вс. Рождественского. 22 июня того же года, как известно, началась война. Театру очень не хотелось прерывать работу над спектаклем, почти готовым. И 19 июня 1941 года состоялась премьера «Евы» – первый и последний показ.

Имя Легара оставалось под запретом до конца войны. Он являлся одним из любимых композиторов Гитлера и потому вынужденно был знаком с фюрером, вовсе не стремясь к тому. В ночь на 1 января 1946 года на Ленинградском радио прозвучал монтаж «Веселой вдовы». А 30 апреля 1946 года, в день рождения Легара, в Ленинградском театре музыкальной комедии состоялась премьера «Веселой вдовы» (со старым текстом, режиссер А. Тутышкин, дирижер Г. Фурман). И дорога открылась: за «Веселой вдовой» по стране опять пошли «Цыганская любовь», «Голубая мазурка», «Граф Люксембург», «Фраскита». Легар возвращался в Россию навсегда. Но, увы, этими четырьмя-пятью названиями – из 26-ти!

Сегодня Александр Колесников разбирает произведения Легара как ювелир, словно лаская как драгоценность каждую ноту, любовно поясняя роль и значение персонажа, голоса в оркестре, вокальной строки. Он не делает при этом разницы между широко известными, полузабытыми и совсем забытыми опусами. Перед Первой мировой войной появились «Идеальная жена», «Наконец, одни». Война и конец Империи рождают произведения, не ставшие событиями («Королева танго», «Танец стрекоз», др.), среди них выделяются прелестная элегическая «Там, где жаворонок поет» (1918) и «Фраскита» (1922). Но все они в глазах автора равноправны, он открывает нам всего Легара. Шаг за шагом мы постигаем знакомую и даже незнакомую музыку, которая «вооружает артистов подтекстами и полутонами». Постигаем собственный легаровский стиль: «Вальсы Легара полнятся массой психологических нюансов – загадочных, манящих, часто темных и непонятных, сразу проникающих в подсознание или из него извлеченных». Колесников проникает в глубину замысла композитора, даже как бы опережая его намерение, находя такие определения, какие самому Легару не пришли бы в голову.

Книгу можно цитировать бесконечно – так о Легаре не писал никто. Будь композитор жив, наверное, вспомнил бы свою мечту о биографе, «который берет на себя труд объяснить нам – нас». Объяснить, как происходит чудо преображения души в мелодию.

Франц Легар ушел из жизни в 1948 году, став еще и героем массового сознания, или, как сегодня сказали бы, медийной фигурой. Биограф, о котором он мечтал, тогда еще не родился. Сегодня, читая книгу Александра Колесникова, думаешь – а ведь должна быть между ними какая-то непостижимая, тончайшая ниточка, внутренне «партнерство». Композитор будто допустил в свои душевные глубины Автора, и тот, побродив там, дал нам нового Легара.